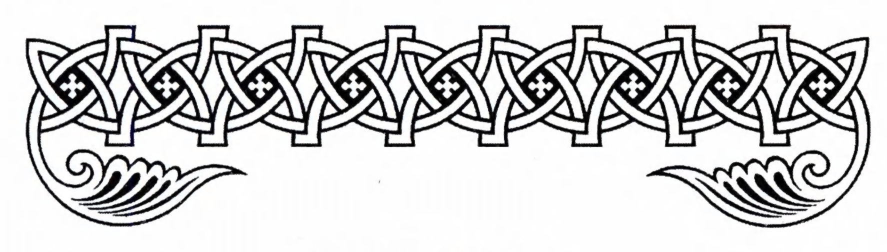


ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

ЧИТАЕМОЕ ВЕЛИКИМ ПОСТОМ В СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ





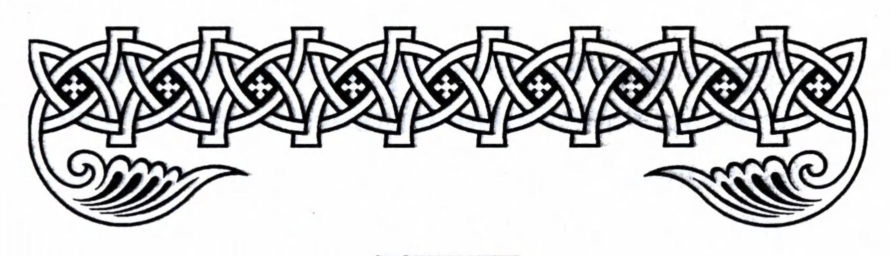
ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОЙ
МАРИИ
ЕГИПЕТСКОЙ,
ЧИТАЕМОЕ ВЕЛИКИМ ПОСТОМ В СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ



Свято-Троицкая Сергиева Лавра
2011



Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 10-11-0928



ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНЫЯ МАТЕРЕ НАШЕЯ МАРИИ ЕГИПЕТСКИЯ

«Нельзя не говорить о преславных делах Божиих. Тот, кто умалчивает о них, кто скрывает чудные дела, совершающиеся со святыми людьми, тот приносит великий вред делу духовного спасения своих ближних. И я, — говорит святой Софроний, Патриарх Иерусалимский, — не могу не рассказать дошедшей до меня святой повести о жизни преподобной Марии Египетской. Содержание этого рассказа таково.

В одном из палестинских монастырей, расположенных в окрестностях Кесарии, с ранней юности подвизался подвигом благочестия некий инок, по имени Зосима. Благочестивый в жизни, разумный в речах, известный чудесами и даром прозорли́вости, он до 53 лет подвизался в постничестве, соблюдая все правила, препо́данные жившими до него учи́телями иночества. И вот, когда Зосима выполнил

все заветы этих учи́телей иночества, его мало-помалу начала́ смущать греховная мысль, что он будто бы уже достиг полного совершенства.

Однажды, в то время когда он весь был охвачен этой горделивой и греховной мыслью, ему явился ангел и сказал:

— Зосима! Ты действительно усердно подвизался и доблестно прошел по́стнический подвиг. Но знай при этом, что никто из людей не может сказать о себе, будто бы он достиг полного совершенства. Так и ты. Есть подвиги, которых ты еще совершенно не знаешь, а между тем они значительно труднее пройденных тобою. Чтобы видеть, какие есть еще иные, не пройденные тобою пути, ведущие ко спасению, иди в Иорданский монастырь.

Поселившись в Иорданской обители, Зосима стал жить здесь среди дивных старцев, всецело предавших себя на служение Богу. Жизнь их проходила то в молитвах и псалмопениях, которые они приносили Богу от всей полноты своих пламенных сердец, то в занятиях физическим трудом, направленных к умерщвлению плоти и возвели́чению духа. Уста иорданских старцев никогда не произносили праздных слов. Не заботясь о приобре́тении временных житейских благ, эти иноки во всем стремились лишь к господству души над те-

лом. Поучение в слове Божием было для них лучшею и самою главною пищею; тело же свое они питали лишь хлебом и водою.

В этом Иорданском монастыре был такой обычай. В первую неделю Великого поста за литургией каждый причащался Тела и Крови Господних; затем, несколько подкрепив себя постной пищей, все собирались в храме для усердной, коленопреклоненной молитвы. Здесь иноки прощались друг с другом и каждый, падая пред настоятелем, просил у него благословения на предлежащий подвиг. Отворялись монастырские ворота, и при пении псалма «Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюся?» иноки выходили из обители и переходили через реку́ Иордан. Лишь один или два старца оставались в монастыре, не для охраны его имущества — там нечего было похищать, — а для совершения божественных служб в церкви.

При этом каждый из иноков брал для себя немного пищи: кто хлеба, кто фиников, кто смо́квы, кто моченую в воде пшеницу, а кто и ничего не брал, надеясь пропитаться растущими в пустыне травами. За Иорданом иноки расходились в разные стороны по пустыне и проводили все время Великого поста в уедине-

нии, строгом посте и постоянной молитве. За неделю до Воскресения Христова, в праздник Ваий, они опять собирались все в монастырь. И никто из них не расспрашивал другого, как тот, другой, провел время в пустыне: у каждого свидетелем его подвигов должна была являться только его совесть.

В силу такого обычая Зосима также направился за реку́ Иордан. Двадцать дней он углублялся в пустыню, думая найти там подвижника, который бы наставил его подвигам высшего совершенства. И вот однажды в полдень, когда Зосима приостановился и, обратившись лицом к востоку, стал усердно молиться, он увидел с правой стороны как будто человеческую тень. Опасаясь диавольского наваждения, старец осенил себя крестным зна́мением и продолжал молиться. Когда же молитва была окончена, он обернулся к югу и увидел, что к нему идет какой-то обнаженный человек. Тело его было черно́ от знойных лучей солнца; белые как снег волосы спускались донизу.

Думая, что это один из пустынников, старец Зосима, как юноша, побежал к нему, но явившийся, заметив его приближение, побежал прочь вдоль русла реки. Старец бежал за ним и со слезами кричал:

— Раб Бога истинного! Сжалься над хилым стариком! Зачем ты бежишь от меня, бедного грешника? Остановись, помолись за меня и благослови меня ради Господа Бога, Который никого не отвергает.

Тогда неизвестный человек остановился на краю русла и ответил:

— Блаженный Зосима! Не приближайся ко мне. Брось мне, нагой женщине, плащ твой, чтобы прикрыть мне наготу мою, тогда я попрошу тебя благословить меня.

Зосима, удивленный тем, что это была женщина, и в особенности тем, что она называет его по имени, понял, что она знает его по откровению свыше. Он поспешил исполнить ее просьбу.

Незнакомая женщина, прикрытая плащом, перешла на берег, где стоял Зосима. Здесь они склонились друг перед другом на землю и просили взаимно благословения. При этом никто из них не решался, по своему глубокому смирению, сделать это первым. Пустынница говорила, что она великая грешница, Зосима же указывал на свои великие грехи и недостатки. У обоих уста произносили одно и то же: «Благослови!» Наконец, пустынница сказала, что у него, Зосимы, преимущественное право и даже обязанность благословить, ибо он прес-

витер. Такое знание его положения еще более смутило старца, и он вполне убедился, что пред ним великая угодница Божия.

— О, блаженная матерь! — воскликнул Зосима, — умертвив телесные немощи, ты приблизилась к Богу твоим благочестием. Не Он ли открыл тебе мое имя и мой сан? Ты великая подвижница. Поэтому я умоляю тебя благословить первой меня и помолиться за грешника, нуждающегося в твоей молитве.

Настойчивость старца победила, и женщина молитвенно воскликнула:

— Милосердный Бог, хотящий спасения душам человеческим, да будет благословен вовеки!

Затем они оба поднялись с земли.

— Аминь, — ответствовал Зосима.

Пустынница, указав на то, что Сам Бог привел Зосиму к ней, дабы святой отец рассказал ей о жизни в мире, спрашивала, в каком состоянии находится теперь христианство и как живет и управляется Церковь Божия.

— По благости Иисуса Христа, Бог даровал Церкви благоденствие, — отвечал старец и с еще большею настойчивостью просил рабу Божию помолиться Господу за весь мир.

Пустынница, обратившись к востоку и подняв руки к небу, едва слышно молилась. Тихая

ее молитва долго лилась к небу, причем пустынница видимо поднялась над землей. Зосима, изумленный тем, что молящаяся поднялась от земли на воздух более нежели на локоть, в страхе затрепетал, повергнулся на землю и только повторял: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!..» Он думал, что это дух, приведение.

— Не дух я, — сказала пустынница, окончив свою молитву и угадав мысли старца, — я тело и кости. Уверься, что я жена-грешница, которую очистило лишь святое покаяние... Да избавит нас Бог от великих искушений демона силою Креста святого!

Пустынница стала истово осенять себя крестным зна́мением. Зосима бросился к ногам избранницы Божией, умоляя рассказать, кто она, какую и с какого времени ведет жизнь в пустыне, — рассказать для спасения его собственной души и для назидания других.

Вот что рассказала пустынница о себе.

— Я родилась, — говорила она, — в Египте. Двенадцати лет, отвергнув любовь родителей, я ушла в Александрию и там потеряла девическую чистоту. Без стыда и ужаса не могу даже теперь вспоминать о тех мерзостях, какие я тогда допускала в своей жизни... Сем-

надцать лет я предавалась ужаснейшему распутству.

И вот однажды, в летний день, я увидела толпу людей из Египта и Ли́вии, направлявшихся к морю. Я спросила у кого-то, куда они спешат. Тот мне ответил, что они отплывают в Иерусалим на праздник Воздвижения Креста. Я отправилась с ними, не имея ничего, чем бы могла заплатить за переезд и прокормление. Я была уверена, что мое распутство доставит мне все нужное, и потому с бесстыдством пристала к молодым людям и с ними взошла на корабль. Я утопала в мерзостях на пути и то же, если не более, делала в Иерусалиме.

Наступил праздник Воздвижения Креста. Все шли в церковь. Пошла и я с другими и вошла в притвор. Но, когда я дошла до дверей, невидимая Божия сила отбросила меня от входа. Все входили, и никому никто не препятствовал, а я три-четыре раза пыталась войти в храм, и всякий раз невидимая рука не допускала меня, и я оставалась в притворе. В смущении стояла я в углу притвора и думала, по какой вине я не могу войти в храм Божий. Спасительная сила Божия озарила, наконец, мои душевные очи, и я все поняла, когда бросила взгляд на мерзость моей прошедшей жиз-

ни. Плача, я била себя в грудь и горько стонала. Наконец, рыдая, я подняла глаза и увидела на стене икону Божией Матери. Долго молилась я Небесной Владычице, чтобы она смúловалась надо мной, великой грешницей, и открыла мне вход во святой храм. Потом с трепетом и надеждою пошла к дверям церкви, и меня более уже не удерживала никакая сила, так что я могла вместе с другими войти и поклониться Животворящему Кресту. Из этого я ясно убедилась, что Бог не отвергает кающегося, как бы грешен он нú был.

Облобызав Крест Господень, я возвратилась к образу Пресвятой Богоматери и излилá благодарность за милость, прося наставить меня на путь покаяния. Тогда, как будто издалека, послышался голос: «За Иорданом найдешь полное успокоение». Я со слезами воскликнула: «Владычице Богородице! Не оставь меня!» — и потом последовала невидимому голосу.

На пути кто-то дал мне три монеты со словами: «Прими это, мать!» С тремя хлебами, купленными на эти деньги, я пошла за Иордан по указанному мне другими пути и на закате солнца дошла до церкви Иоанна Крестителя у реки Иордан. После молитвы в церкви я омыла лицо и руки водою этой священной реки и возвратилась опять в храм, где причастилась

Животворящих Таин Христовых. Подкрепив себя половиною одного хлеба, я заснула на земле, а утром переправилась на другой берег Иордана в небольшой лодке. Так, наконец, я достигла пустыни, где и живу в ожидании от Господа спасения от телесных и душевных страданий.

Пустынница умолкла. Она принесла, таким образом, исповедь Зосиме в своей прошлой греховной жизни, но ничего не поведала о своей жизни в пустыне. Но старец настойчиво молил ее сделать и это. И тогда, уступая настойчивой просьбе Зосимы, пустынница рассказала ему следующее.

Она уже семнадцать лет прожила в пустыне. Когда были съедены оставшиеся два с половиной хлеба, она продолжала питаться растениями. Ужасная борьба с различными невзгодами продолжалась очень долго. Пустынница страдала очень часто от голода и жажды, и эти страдания еще более становились мучительными, когда ее преследовали мысли о мясной пище и вине, которыми она наслаждалась в Египте, или когда злой дух воскрешал в ее памяти блудные песни, к которым она привыкла. В этой тяжелой борьбе со своими безумными страстями, как с лютыми

зверями, она находила успокоение только в горячей молитве, возносимой к Богу и Пресвятой Богородице.

Одежда пустынницы истлела от ветхости и распалась, и тело ее подвергалось влиянию всех перемен года: летом его жгли раскаленные лучи солнца, зимою терзал холод. Не раз она как бездыханная падала на землю, сожженная или обледенелая, претерпевая душевные и телесные мучения. Но Царица Небесная не отказывала ей в Своей помощи.

— Вспоминая, — говорила Зосиме пустынница, — от каких зол избавил меня Бог, я нахожу для себя неистощимую пищу в надежде на спасение: всесильное слово Божие питает и покрывает меня, ибо не одним хлебом жив будет человек[1]. И совлекшиеся греховного одеяния не имеют убежища, укрываясь среди каменных расселин[2].

Услыхав, что подвижница произносит слова из Священного Писания, старец Зосима спросил, не изучала ли она его.

— За все время своей жизни в пустыне, — ответила она, — я никого не видела из людей, кроме тебя, и по книгам не училась. Голос

---

[1] Евангелие от Матфея. Гл. 4, ст. 4.

[2] Ср.: Кн. Иова. Гл. 24, ст. 8; Посл. к Евр. Гл. 11, ст. 38.

Божий, раздающийся в сердце, один наставник мой. Но довольно, довольно мне говорить! Заклинаю тебя воплощением Слова Божия: молись за меня, грешную.

Зосима со слезами произнес:

— Да будет благословен Бог, совершающий бесчисленные чудеса! Благословен Бог за милость ко мне! Воистину Ты, Господи, не отвергаешь стремящихся к Тебе.

Пустынница стала затем умолять старца именем Спасителя не говорить о ней никому ничего прежде ее смерти. «В следующем году, — произнесла наконец она, — не выходи, отче, из монастыря с другими в начале Поста, да тебе и нельзя будет выйти. В великий же четверг приходи на берег Иордана и сподоби меня причаститься Тела и Крови Христовых... Затем передай отцу Иоанну, настоятелю обители, в которой ты подвизаешься, чтобы он более внимательно смотрел за собой и стадом своим.

Когда в следующем году в начале Великого поста вся братия монастыря выходила в пустыню, старец Зосима лежал больной. Тогда-то он вспомнил слова пустынницы и, стремясь исполнить ее желание, отправился в великий четверток со Святыми Дарами к Иордану. Здесь он увидел, как святая пустынница, осе-

нив воду крестом, прошла по воде, как по суше. Зосима по ее просьбе прочитал Символ веры и молитву Господню, потом причастил ее. Тогда она с поднятыми к небу руками воскликнула:

— Ныне отпущаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое.

Затем, обращаясь к старцу, сказала:

— Умоляю тебя, отче, прийти в следующий Пост к тому ручью, где ты прежде беседовал со мною.

Из предложенной Зосимою пищи пустынница взяла только три пшеничных зерна и снова, как прежде, осенив крестным зна́мением Иордан, отправилась через реку по воде, как по суше, и удалилась в пустыню.

Зосима, по обычаю монастыря, в следующем году опять удалился в пустыню и направился к тому месту, где впервые увидел подвижницу. Но теперь он уже не застал ее в живых: она лежала со сложенными на груди руками и с обращенным к востоку лицом, а у головы ее, на песке, было начертано: «Погреби, авва Зосима, здесь тело смиренной Марии, отдай прах праху. Моли Бога за меня, скончавшуюся в месяце апреле, в первый день, после приобщения Божественных Таин».

200

Прочитав положенные на погребение псалмы и молитвы, Зосима похоронил тело святой в яме, которую вырыл пред старцем лев, и, вернувшись в монастырь, рассказал братии о всем случившемся во славу Божию.

Кончина преподобной матери нашей Марии Египетской, явившей в своей жизни бездну греха и высоту благочестия и добродетели и доказавшей всей своей жизнью, что Господь желает всем спастись, последовала 1 апреля 522 года, в царствование Юстина Старшего (518–526). Аминь».



Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Формат 60х90/16. Тираж 10 000 экз. Заказ № 28
Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра, г. Сергиев Посад
Тел./факс: (495) 721-26-45